

Зиглинг в беседе с Каутесом

СТАВКА НА ЗОЛОТО, И БАСТА!

Интервью для немецкой рубрики «Велесовой Слободы»

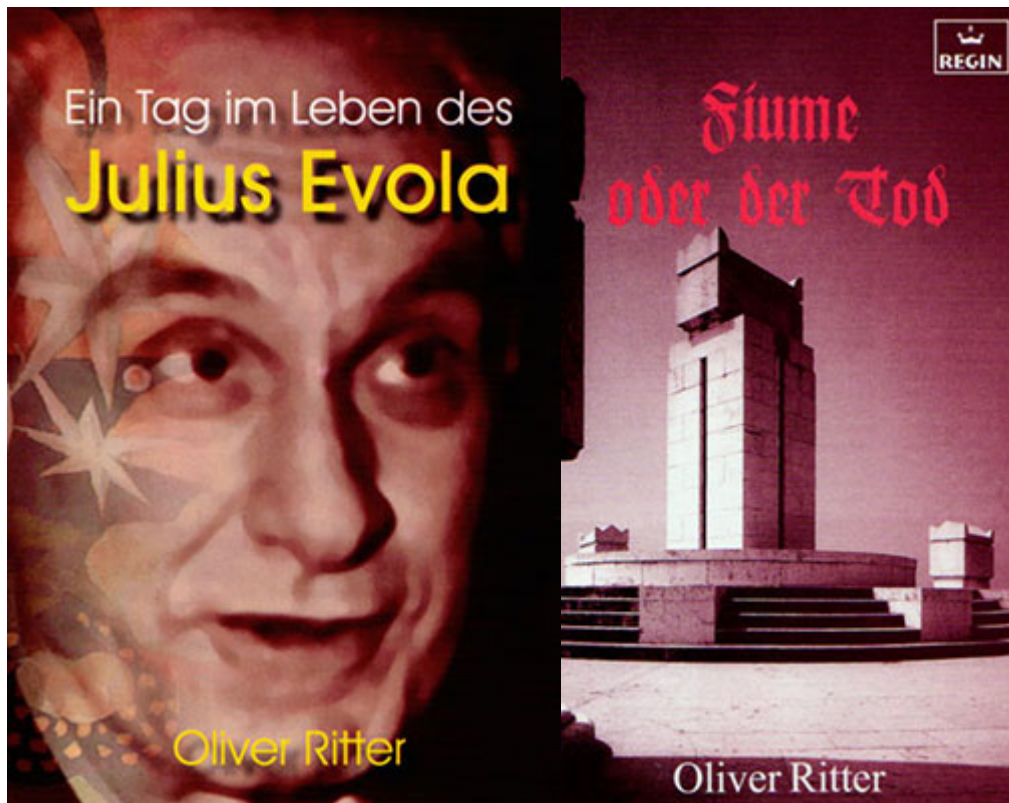
Как ты почувствовал интерес к жизни и творчеству Юлиуса Эволы? Произошло какое-то особенное событие или ты случайно прочитал что-то, что повернуло тебя на этот путь? Какое произведение барона Эволы ты прочитал первым? Какая идея Эволы первой задела и убедила тебя?

Тогда Эвола еще не так сильно был распространен в Интернете и, в особенности, на платформе неофолка. Это было собственно чистой случайностью. Мы беседовали в рамках небольшого философского кружка на тему «Гипербореи», когда один из нас сказал, что одно из немногих нефальсифицированных представлений на эту тему исходило от Юлиуса Эволы, то, что он описал в «Восстании против современного мира». Одним словом, я заказал книгу, прыгнул в холодную воду, прочел ее и сначала совсем ничего не понял. Мне пришлось попробовать еще раз, через год, и более интенсивно, и с тех пор я от него в полном восторге.

Ты, конечно, знаешь роман Оливера Риттера «Один день из жизни Юлиуса Эволы» [Oliver Ritter: Ein Tag im Leben des Julius Evola. Straelen 2006. Regin Verlag], который, по-моему, вполне удался, несмотря на некоторые странности и преувеличения, совершенно, впрочем, приемлемые для художественного произведения. Что ты о нем думаешь?

Я люблю книги Оливера Риттера, особенно «Фиуме или смерть» [Oliver Ritter: Fiume oder der Tod. Bliestorf bei Lübeck 2004. Regin Verlag]. Естественно, роман – это не то, о чем может быть написано в учебнике истории. Но дух этих тогдашних партизан вокруг Д'Аннунцио в нем представлен прекрасно [итальянский писатель, националист, милитарист и «команданте» Габриэле Д'Аннунцио (1863-1938) собрал в 1919 году вокруг себя группу партизан, которая захватила город Фиуме в Далмации, находившийся согласно Парижскому мирному договору под управлением союзников, но населенный в подавляющем большинстве итальянцами, и установила там весьма своеобразный режим. Д'Аннунцио воплощал идею анархическо-архаичного правления, элементы стиля которого позже подхватил итальянский фашизм: массовые демонстрации, культ вождя, патетические обращения, корпоративизм (как «Третий путь» между капитализмом и марксизмом), сословный парламент в традициях корпоративного государства, демонстрируемый героизм, символика смерти и презрение к смерти городского ополчения, которое уже тогда использовало «римское», позже ставшее считаться фашистским, привет-

ствии. [Ср. Richard Schapke: Gabriele D'Annunzio. Philosophie und Politik, Junges Forum 2]. Книги Риттера написаны для души – и они также описывают и душу соответствующей темы. В особенности очень удалась книга об Эволе, ибо она описывает Эволю так, как будто бы он сам говорил, сразу видно, что Оливер Риттер им занимался очень интенсивно.



Романы: Д'Аннунцио и Эвола с точки зрения Риттера, издательство Regin-Verlag

Особенно мне понравилась беседа между бароном Эволой и Бенито Муссолини, где читателю увлекательно показано столкновение двух людей сильной воли – одного в радикальном мышлении, другого в радикальном действии – и также подчеркнуто, что, хотя традиционализму и фашизму и свойственны большие идеологические пересечения, однако они конкурируют друг с другом. Для Эволы итальянский фашизм был слишком сильно пронизан элементами и субстратами модерна, слишком плебейским были составляющие его люди, слишком модернистским понимание общества. При этом – на мой взгляд – у традиционализма как идеи только тогда был бы шанс на практическое воплощение в жизнь и на превращение в фактор исторической силы, если бы он тоже связал модерн со всей той стариной, которая достойна оживления – что как раз и делал фашизм с его воодушевлением техникой, соединяя его с традициями Римской империи и древнеримского духа. Как ты это видишь?

Много раз высказывалось мнение, что традиция и прогресс не гармонируют между собой. При этом слово «традиция» попросту ошибочно понимается. Традиция как раз не привязана к месту и времени. Например, именно футуризм, открыто заявлявший о своей борьбе с «традицией», в моих глазах куда более традиционалистичен, чем какие-нибудь «национальные» крестьяне, которые живут так же, как и сто лет назад. Тут я должен признать правоту футуризма в том, что эта ошибочно понятая традиция состоит только из пыли и гнили. То, что Эвола преимущественно критиковал в фашизме, было компромиссом фашизма с буржуазией. Если буржуазия в момент великих видений, которые она совсем не понимает, получает право голоса, то уже все потеряно. Буржуазия – это самое большое из всех зол, даже хуже Просвещения и демократии. Кроме того, Эвола был также дадаистом, то есть, приверженцем того антиискусства которое стремится к уровню нуля. Антиискусство направлено также против испорченных, лживых, ненастоящих традиционалистов. Как хорошо описывает Риттер, именно Эвола полностью воплотил дадаизм, как раз тогда, когда дошел до точки нуля – однако, вместе с тем он одновременно и преодолел дадаизм. То, что Эвола под «традицией» подразумевает отнюдь не консервирование старых форм, показано уже в произведении «Люди и руины», где он пишет, что следует сохранять не мертвые фальсифицированные формы, а вечно существующий дух, надмирное бытие.



Произведение периода дадаизма Юлиуса Эвола: Arte Astratta (Цюрих, 1920 г.)

**Из: Александр Грэфф: Духовность, авангард и фашизм.
Юлиус Эвола между футуризмом и дадаизмом, Ikonen-Magazin (Nr.7, 2005 г.)**

Еще я нахожу в высшей степени интересной ритуальную сцену в римском Митреуме, где Эвола и его приверженцы хотят с помощью оккультного ритуала пробудить и вызвать дух Рима. Верить ли ты, что этот ритуал когда-нибудь происходил на самом деле? Все-таки Эвола с его группой UR был актером итальянской оккультной сцены [в этой связи говорят также о «магической фазе», которую пережил Эвола с его группой UR в 1927-1929 годах]. Что ты знаешь о деятельности Эволы в рамках группы UR?

Ритуал, похоже, не увенчался успехом или вообще никогда не происходил в этих пределах, иначе история пошла бы, пожалуй, иным путем. Риттер описывает, как дух отступил прочь перед изображением Муссолини. То, что время пребывания Эволы в группе UR сформировало все его последующее творчество, является твердо установленным фактом, прежде всего, потому что реализация его последующих произведений является только лишь логичным следствием этой сформированной тогда основы. Группа UR в свою очередь сформировала свои знания и свою ритуальную практику на основе вечного знания, вечной правды, традиции. Юлиус Эвола играет для меня очень важную роль, именно в нашей деятельности для гелиократии, в которой мы часто используем как источник и вдохновение переведенный группой UR ритуал Митры. [Ср.: Julius Evola: Der Weg der Selbstverwirklichung nach den Mithras-Mysterien, Rom o.J. в: Julius Evola: Über das Initiatische. Aufsatzsammlung. Sinzheim 1998].



Митра убивает быка

То, что очаровывает меня в Эволе наряду с его произведениями и идеями, это его «совершенная» и наполненная жизнь, в которой связаны сразу несколько эпох: сицилийский дворянин, офицер Первой мировой войны, дадаист, философ и мыслитель, участник фашистского движения, свидетель Второй мировой войны. И, наконец, смерть, которую он принял согласно своему желанию от своих приверженцев вблизи древнего храма Януса в Риме, чтобы потом быть кремированным, а пепел был опущен в расщелину ледника Монте-Роза. Человек правых взглядов в бездушном, современном, откормленном и пришедшем в состояние запущенности массовом обществе, ведь действительно ощущает жгучую тоску по такой жизни, не так ли? Как можно, согласно Эволе, жить сегодня «иначе» в вышеназванных общественных и государственных условиях, будучи принудительно-интегрированным «гражданином»? Является ли книга Эволы «Оседлать тигра» помощью для нас в этом? Все-таки она высказывает конкретные предложения!

Ключевое предложение можно сформировать уже из названий книг барона: «Самое большое удовольствие – это оседлать тигра среди руин». Однако, совершенно ясно, что из Кали-юги, Железного века, нельзя снова вернуться в Золотой век постепенно, маленькими шагами. Скорее это произойдет в форме чего-то вроде «взрыва». Будет просто сделана ставка на Золото, и баста! Подобно тому, как в этом диалоге между дуче и бароном, о котором ты только что говорил. Для фашизма нужно было согласно Эволе сделать как раз один духовный акт, а не попытку постепенно, шаг за шагом повлиять на общество и на буржуазию. Футуристы были, среди прочего, теми людьми, которым наскучили политические стратегии. Можно заметить, что искусство играет более важную роль в рамках истинной, вечно действующей традиции, нежели политические программы. Эвола указывает много путей, как можно приблизиться к трансцендентности. Будь это через аскетизм, войну, с помощью алхимии, и даже через секс. Тогда как для одиночек или маленьких групп еще есть надежда на такое сближение с трансцендентностью, оставшемуся же миру придется погибнуть, ибо каждая попытка удержать этот мир на краю пропасти только замедляет новое начало золотого века.



*Финальная точка необычной жизни:
Пепел Эволы погребают в вечном льде Монте-Розы (1974 год)*

Каково значение, на твой взгляд, у циклической картины мира Эволы, которую он рассматривал как духовное наследие индогерманцев?

Это – мировоззрение не одного только Эволы. Учение о четырех эпохах со всегда повторяющимися элементами подъема, времени расцвета и упадка можно найти почти повсюду, как в ходе становления различных культур, так и в меньших масштабах. Можно применить его даже к сегодняшней экономике. Я не понимаю, как современная историография может так последовательно оставлять это без внимания. Учение о всемирных эпохах и о духовном упадке может быть понятным даже самому большому материалисту. Пусть даже он отрицает дух как слабость, все же, он должен признать очевидным длительный духовный спад, путь упадка от сверхчеловеческого к чисто человеческому.

Можешь ли ты рассказать еще несколько более подробно о дадаизме и роли Эволы как дадаиста? Как я тебя понимаю, сознательное и активное отрицание традиционного искусства как составной части преодолеваемого буржуазного мира было предпосылкой к тому, чтобы с художественно-культурной «точки нуля», вообще, добраться до основы, на которой можно было бы задумать или духовно выстроить идею традиции? Согласно роману Риттера Эвола стремился, однако, также и к лично-психической «точке нуля»: с помощью наркотиков и сексуальных эксцессов – верно ли это? Если да, какую из этого можно вывести связь?

Есть различные течения, которые могут вести к такой «духовной» точке нуля. Речь при этом идет, прежде всего, о том, чтобы лишиться себя всех ценностей, вырваться из них, получив возможность исходить из чистого, беспорочного ядра. Этого можно достичь в широком смысле посредством искусства, как, например, дадаизма, футуризма или сегодня также, например, посредством блэк-металла, в котором я узнаю некоторые родственные свойства. С другой стороны, естественно, также с помощью философии, такой, например, как нигилизм Ницше. Разумеется, эти формы, которые ведут к такой нулевой точке, могут использоваться как трамплин, и как раз в то время, когда достигнута точка нуля, но если упасть «ниже нее», то это приведет именно к такой «стихийной самоликвидации», как у дадаистов Рима, которые падали из окон, так как такого хотел дадаизм. При достижении точки нуля это отрицание должно быть преодолено. Для Эвола это было началом. Начиная с этой даты, он действительно начал свою «Магию как науку об Я».

В книге «Оседлать тигра» есть глава «Отступление на тему наркотиков». Я цитирую: «Как бы то ни было, воздействие наркотиков и одурманивающих веществ (сюда можно включить также алкоголь) зависит от «индивидуального порога» и той специфической зоны, на которую они оказывают влияние. Они могут позволить индивиду «выйти из себя», пассивно открыться состояниям, которые дают ему иллюзию высшей свободы, опьянения и крайне обостряют ощущения, но на самом деле такое воздействие имеет разрушительный характер и никоим образом не гарантируют его «продвижения». Чтобы подобные опыты привели к другому результату, необходимо обладать исключительной степенью духовной активности и занимать позицию, противоположную той, на которой стоит тот, кто ищет этих переживаний и нуждается в них для бегства от напряжений, травм, неврозов, от чувства пустоты и абсурдности существования»

Собственно, это и есть ответ на вопрос, как Эвола относился к наркотикам и вообще к эксцессам всякого рода. Не всё и не всегда является одинаково правильным и нужным для всего человечества. Не все люди одинаковы, и я под этим определенно подразумеваю неравенство в собственных культурных кругах. Если каста жрецов использует потребление наркотиков, это отнюдь не означает, что поэтому любой пробегающий мимо гражданин также теперь должен принимать наркотики. Равенство и соответственно неравенство людей тоже кажется мне в той или иной мере постоянно неправильно понимаемой темой. Доктор Роберт Мэдер говорит о божественном принципе, неравенстве в равенстве. Он ссылается как на пример на семью, в которой отец, мать и ребенок представляют собой равную ценность в глазах Бога. Они люди, но они при этом также и неравны, так как отец – это отец, мать – мать, а ребенок – ребенок. Есть законы, распространяющиеся в равной мере для всех их трех как людей, но также есть и законы и права, распространяющиеся исключительно на отца, так же, как и законы, распространяющиеся соответственно только на мать и только на детей. Народ равных, где все являют-

ся «гомогенными» братьями, – это крайняя форма упадка общества, в котором каждый считает, что может воспользоваться любой привилегией. Мать полагает, что сможет быть отцом, крестьянин полагает, что является королем, а молодые люди верят, что они могут использовать вещества, являющиеся прерогативой касты жрецов.

Вернемся, однако, к Эволе и твоему вопросу. Эвола наверняка экспериментировал с разными наркотиками. У него были, наверное, также и «сексуальные эксцессы», хотя они, как описано в «Метафизике секса», представляют собой именно иной путь связи с трансцендентностью. Наркотики и эксцессы были вначале в фазе денди и дадаизма, вероятно, еще средствами спуститься к этой точке нуля и к пропасти, которой Эвола, однако, лишь едва сумел избежать. Позже, тем не менее, они стали средствами, определенно способствовавшими его трансцендентальным опытам. В общем и целом нужно подчеркнуть, однако, еще раз, что Эвола не был просто обычным человеком, и следует исходить именно из этой перспективы, чтобы самому не сделать ошибочных выводов.

Можешь ли ты кратко рассмотреть движение футуризма?

Футуризм был основан в 1909 году итальянцем Филиппо Томазо Маринетти. Это было, видимо, самое радикальное художественное течение во всей известной истории человечества (кроме дадаизма, но ведь сам дадаизм рассматривал себя как раз не как искусство, а как антиискусство). Если кратко, то можно сказать, что футуризм ставил своей целью борьбу с общепринятыми псевдо-традиционными и буржуазными ценностями. Футуризм хотел агрессии, скорости и динамики. Он хотел воспеть красоту разрушения, мужское и героическое. Вершиной было создание механического великана Газурма (Gazourmah), который родился без чужой (женской) помощи, только актом воли, был невосприимчив к женской привлекательности, и мог воспроизводить сам себя. Газурма описывается в африканском романе Маринетти, как сын властителя Мафарки, победившего в одиночку всех своих врагов и страдавшего после этого, так как он, хоть и господствовал, но не было никого, с кем он мог бы выйти на бой. Потому он захотел сконструировать себе механического сына, который из-за своих крыльев довольно сильно напоминает образ Икара, но в отличие от него, может подчинить себе даже Солнце.

Футуристы понимали свое искусство как функцию жизни. Футуризм именно поэтому не ограничивался сотворением коммуникативных средств всякого рода, но и претендовал на то, чтобы полностью и радикально перевернуть весь мир. Вначале существовала даже Футуристическая партия. Позже после различных споров и новых примирений Маринетти предложили должность министра культуры фашистской Италии. Незадолго до конца войны Маринетти еще отправился на Восточный фронт в рамках «экспедиции», вернулся домой в Италию совершенно больным и умер.



Футуристическая икона: Туллио Крали: «В пике над городом», 1939 год

Интересен также труд доктора Армина Молера «Фашистский стиль» [Armin Mohler: *Der faschistische Stil*, в: *Liberalenbeschimpfung. Drei politische Traktate*. Essen 1990], в котором он кратко касается встречи Готфрида Бенна и Маринетти. [Готфрид Бенн, выдающийся немецкий поэт, 1886-1956].

Показательно, что Бенн обращается к итальянцу, не опираясь на общий образ мыслей или общность идей. По его мнению, в гораздо большей степени задачей Германии и Италии является «сотрудничество в создании нетеатрального, величественно холодного стиля, в который вращается Европа». Бенн одобряет в футуризме то, что он «отбросил тупую психологию натурализма, пробил гнилую и тягучую массу буржуазного романа и искрометными и быстрыми строфами ваших гимнов» – тут Бенн обращается прямо к Маринетти – «вернулся к основному закону искусства: творению и стилю». Уже сами нападки интересны. Они направлены против психологии, театрального в духе панорамной сцены, против опирающейся на мелочность буржуазной культуры. И в положительных оценках уже предвосхищена значительная часть фашистского ощущения: холодный стиль, быстрота, блеск, величие. То, с чем Бенн обращается к гостю в следующей части своей речи, тоже не является содержанием в привычном смысле – это определенная динамика, ритм: «Посреди эпохи притупившихся, трусливых и вычурных инстинктов вы потребовали и основали искусство, не противоречащее огню битв и атаке героев... Вы потребовали любви к опасности, привычки к энергии и дерзости, мужества, неустрашимости, мятежа, направления атаки, беглого шага, скачка к смерти и это вы назвали прекрасными идеями, за которые стоит умереть».

Часто ошибочно интерпретируемая антитрадиция футуризма относится, как сказано выше, к пассивному консервированию прошлого. Вместо этого футуризм хотел быть активным. Он хотел жить тем, что мы понимаем под «традиционным». Футуризм также явно был направлен в окончательном виде снова только к точке нуля, и тоже, в конце концов, должен был после этого быть преодолен.



Фашистское восприятие: Фашистская молодежь (GIL) на демонстрации в Риме

Что ты понимаешь под «гелиократией»?

Для этого я могу, собственно, просто показать тебе «Гелиократический манифест», в создании которого я принимал участие. При этом речь не идет о чем-то совершенно новом и неповторимом. Но это попытка вернуть нечто свежее в нашу эпоху:

Гелиократический манифест:

Призрак бродит по Европе – призрак гелиократии. Этот величественный неологизм дословно означает «солнечное господство» и тем самым закладывает основы и цели той связанной с этим идеи, которая может быть описана такими понятиями как традиционная, сакральная, солнечная, иерархическая, а также трансцендентальная, причем эти свойства требуют более близкого определения.

Так под «традицией» мы понимаем вечные, т.е. находящиеся по ту сторону прошлого, настоящего и будущего устойчивые, неизменные центры вращения и центры тяжести, привязанные к метафизике и неосознаваемые как таковые большинством человечества в первую очередь из-за скованности в пространстве и времени.

Под «святым» (сакральным) мы понимаем сближение с чистотой божественного центра воли и космического прасвета, причем для нас в основе этого лежит – в самом широком смысле – неоплатоническая или гностическая точка зрения, т.е. познание божественного.

«Солнечным» (солярным) мы обозначаем героический триумф, который ставит идею выше материи, так как она в «огне воли» осознала зависимость привязанного к Земле мира от стоящей выше него действительности.

Мы понимаем «иерархию» в дословном смысле: как «преобладание священного». Между прочим, заметим, что из иерархии исходит также и осознание той абсолютной абсурдности желания объяснить всё всем людям.

«Трансцендентальная реальность» – это, наконец, происхождение и цель нашего бытия, потусторонняя тоска, стремление, борьба – в состоянии постоянного пробуждения – к сферам бессмертия из тонкой материи и, сверх того, к ярко пронизывающему тьму прасвету, навстречу к опускающемуся вниз потоку материи со всеми его конфликтами. Трансцендентность – это лестница для восхождения от просто человеческого к божественному.

Из этих пояснений можно сделать вывод, что гелиократия верит в органически существующую – на основе оккультных мистерий и инициаций – аристократию, и в логичной последовательности ставит в центр своего мышления идею солнечной сакральной монархии как моста между небом и землей. Поэтому гелиократия радикально отрицает какой-либо атеизм.

Гелиократия решительно отвергает национализм и социализм, так как эти слишком человеческие и сформированные Просвещением течения совершенно недостаточны для чистой и более высокой идеи!

Не бывает стремления без борьбы. Тем не менее, борьба должна вестись ради борьбы, а не ради презрения к противнику. Противник тоже рассматривается как часть единства, без него невозможно было бы добраться к «Солнцу», символу божественного. Презрение и ненависть – это элементы, которые относятся изолированно к миру «дуализма» – где низкие стихии рвут то в одну, то в другую сторону два полюса – и поэтому являются невообразимыми для гелиократов.

Общность в гелиократии состоит не обязательно из конгруэнтных программ или структур, а из языка символов и намеков. Рациональная коммуникация слов не в состоянии объяснить познание божественного, так как оно полностью не является человеческим. Слова могут интерпретироваться в бесчисленных вариациях, тогда как символы действуют на тех, кто в состоянии их толковать, как непосредственные носители познания.

Гелиократия – это принципиально другая духовная позиция в сравнении с той, которую произвел модерн. Она не исчерпывается земным акционизмом, но является неподвижным движением, направленным через трансцендентность на метафизику. Настоящая традиция – это не печаль по древним и покрытым пылью веков творениям, но она всегда представляет собой связь с вечным и потусторонним.

Если я тебя правильно понял, ты с другими исполняешь ритуальную практику? Можешь ли ты несколько точнее описать, как она выглядит? Понимаешь ли ты ее как связь с «магической фазой» Эволы?

Ритуальная практика, вероятно, слишком громкое слово. В рамках гелиократии мы на различных мероприятиях были представлены с помощью некоей «церемонии», однако, в очень экзотерической манере. Естественно, я стремлюсь также создать свои собственные, именно эзотерические опыты.

Насколько это связано с перенятым группой UR «ритуалом Митры»? Восходит ли он действительно к античному культу Митры?

Группа UR описывала это как перевод полного ритуала из большого парижского волшебного папируса. Одно из единственно полных инициатических преданий из нашего культурного круга.

Впрочем, части немецкого перевода этого ритуала были также использованы для нашего нового альбома (Menegroth: Gazourmah). Песня «Инициация Митры» содержит как вступление этого ритуала, так и отдельные текстовые элементы из различных заклинаний ритуала. Для записи речи в нашем распоряжении был Йозеф Мария Клюб из [Von Thronstahl](#).



Блэк-металл под знаком традиционализма и гелиократии: Menegroth. Gazourmah

В этой связи мне вспоминается произведение Эволы «Магия как наука о Я» [Julius Evola/Gruppe von UR: Magie als Wissenschaft vom Ich. Grundlegung der Initiation (Band I) и Schritte der Initiation (Band II). Interlaken 1985], которое похоже на руководство для развития личности (в традиционалистском смысле?). Правда ли это? Насколько тяжело успешно идти этим путем?

Материал в этих трех томах необходим для тех, кто еще сегодня сохранил способность и желание делать такие опыты. Труды в этих книгах, наверное, не предназначены для широкой публики. Авторы также особенно подчеркивали и то, что магия здесь определяется больше как «практическая метафизика» и не имеет, собственно, совершенно ничего общего с тем множеством различных видов игры, которые сегодня определяют как спиритуализм или эзотерику. Они охватывают все от вульгарного спиритуализма и англо-индийской теософии до «окультизма», антропософии и других похожих течений. Во всем этом мы видим отклонения, которые не имеют ничего общего с подлинными, традиционными, инициатическими учениями, а представляют собой дикую смесь из фрагментов античных правд, современных духовных заблуждений, визионерских потоков сознания и самой плохой философии, к чему добавляется еще подходящий моральный и эволюционно-гуманитарный соус. Составители этих томов самое большое внимание уделили тому, чтобы способствовать абсолютно ясному пониманию читателем непреодолимой противоположности к этим запутанным и искаженным формам, которые отражают только трясину и нехватку принципов в наше время.

Книга Эволы «Мистерия Грааля», по моему мнению, представляет собой некоторый регресс в его творчестве. При этом она является вообще первым глубоким трудом, посвященным этому европейскому мифу. Как бы то ни было, по этому следу позже пошли СС, я имею в виду Отто Рана и его исследования, которые привели к исключительному произведению под названием «Крестовый поход против Грааля». [Otto Rahn: Kreuzzug gegen den Gral, Freiburg im Breisgau 1933]. Какие познания дало тебе это произведение?

Святой Грааль символизирует пропавшую, традиционную и героическую эпоху. Он уже мифологически показывает свое соответствие: Он содержит благородную кровь, камень Люцифера или сравнивается с «женщиной» [согласно Эволе, имеется в виду не какая-то реальная женщина, а воображение, которое означает эзотерическую инициацию.]

Грааль – это тот духовный третий глаз, который утратил Люцифер после своего падения – и тем самым после потери духовной связи – или как раз чаша с кровью Христа. Здесь содержится тот же самый смысл – владение Граалем это владение связью с божественным и, таким образом, также узаконение внешней власти. Грааль – это невеста, которую завоевывают, и, овладев ею, становятся господином в духе, он – обновляющая святая кровь, обновленная солнечная сущность после инициации. Внешняя власть – это результат, так как цикл Грааля является гибеллинским, т.е. королевским. Внутренняя власть обосновывает внешнюю, потому тамплиеры, которые также опирались на этот принцип, ссылались при этом непосредственно на Грааль, ибо миф Грааля – это самая чистая гибеллинская правда.

Эвола на протяжении тридцатых годов неоднократно читал лекции для СС и воспринимался положительно, пока ему не отказали в сотрудничестве по частично нерациональным причинам или из-за боязни мелких начальников утратить свое влияние. СС как «Орден кшатриев» должен был, все же, быть близким к представлению Эволы о традиционном ордене. Было ли роковым, что это сотрудничество не осуществилось или же само это сотрудничество стало бы роковым для Эволы и его идеи?

Проблема с национал-социализмом в принципе состоит в том, что правые чрезмерно переоценивают его, тогда как левые видят в нем люциферианскую, метафизическую величину, воплощавшую абсолютное Зло и, таким образом, просто неподлежащую каким-либо дискуссиям. Национал-социализм, естественно, не был ни тем, ни другим. Внутри него были самые разные течения, среди них и те, которые, по меньшей мере, пытались снова найти Грааль, как уже было сказано выше, т.е. потерянное, традиционное. Но круг тех, у которых действительно были такие намерения, был крайне узок.

Даже в орденской идее СС действовали различные «силы». В то время как меньшинство, пожалуй, действительно было бы пригодным для идеи Эвола, там заправляли, прежде всего, и мощные теллурические энергии, которые, в конце концов, и определили путь судьбы СС, а также и всего национал-социализма. А именно влияние ариософии, чисто биологический расизм, который в конечном результате привел антисемитскую пропаганду только к тому, что в евреях ненавидели то, чем они (нацисты – прим. перев.) были сами, пусть даже еще частично.

То, что Эвола видел много положительных аспектов в ордене СС, не вызывает возражений, но трансформация СС в действительно традиционный воинский орден была, пожалуй, невозможна.

Я считаю произведение Риттера «Фиуме или смерть» тоже очень волнующим – основание Д'Аннунцио города-государства Фиуме на побережье Адриатики было скорее традиционалистским предприятием, чем часом рождения фашизма?

Это была, конечно, авантюра, как в политическом, так и в военном смысле, что также делает этот захват Фиуме столь привлекательным. Д'Аннунцио являлся одновременно как глубоким художником, так и воином, и это сделало его способным, по меньшей мере, прочувствовать традиционное.

Я соглашусь с тобой в отрицании буржуазии и сошлюсь тут на статью Эвола «Наш Антибуржуазный фронт», в которой он также описывает исторические корни буржуазии, исходящие из расцвета и упадка Средневековья, как «раковую опухоль», бесцеремонно добивающуюся абсолютного господства в обществе экономического принципа. Собственно, в настоящее время эта точка зрения подтверждается на самом высоком уровне: кризис Уолл-стрита показывает, что финансовые центры в Нью-Йорке и Лондоне как надгосударственные силы самым преступным образом восторжествовали над любыми государственными порядками. Разумеется, нужно заметить, что в реальном современном обществе, в принципе, к идее традиции можно привлечь только людей, которые происходят из слоя буржуазии, в нем были социализированы и вместе с тем получили культурные навыки, чтобы вообще смочь думать и усваивать знания. Пролетариат, большей частью далекий от образования, или преобладающий теперь абсолютно материалистически настроенный «слой производителей услуг» и выродившееся и пришедшее в упадок дворянство исключаются заранее, не так ли? В этом месте для меня открывается еще одна большая проблема традиции: Не был ли Эвола – из аристократического самомнения? – абсолютно неспособен понять, что в ходе индустриализации на массовой основе в образе пролетариата как нового слоя общества появилась величина, с которой следовало бы считаться («Социальный вопрос») и которую нельзя просто так отвергать, если хочешь обновить и перестроить мир, также и в смысле традиции? Фашизм предоставил себя этой величине...

Как очень хорошо сказал Николас Гомес Давила [колумбийский реакционер, 1913-1994. Давила прославился, прежде всего, своими афоризмами, представлявшими собой одновременно едкую и очень остроумную критику модерна]: «Французская революция проводилась не против феодализма, а против его отсутствия». И как раз это «отсутствие» имеет место в случае современного дворянства. Даже если традиционализм был совершенно прав в том, что в вечном и в метафизическом дворянство осталось выше всяких подозрений в своей чести и способностях, то, однако, в эпоху Кали-юги все ценности уже так дико перемешались. Теперь от этого метафизического дворянства очень мало что осталось, что можно увидеть и почувствовать. Это совсем не значит, что нужно надевать на чернь корону и совать ей в руку скипетр. Скорее дворянство должно найти свой Грааль и снова подтвердить свое достоинство, даже если бы случилось так, что кто-то из неожиданного класса поднялся, вытащил из камня меч Экскалибур и открыл тем самым свое подлинное, духовное происхождение.

Как ты уже видел, для нашего рассмотрения Эволы решающее значение имела его встреча с капитаном Корнелиу Кодряну, вождем Железной гвардии, так как Эвола очевидно видел в нем и его движении нечто вроде практически пригодного воплощения его идеи. Все-таки он, как минимум, в трех текстах высказывался об этой исключительной личности. В предисловии до сих пор неопубликованного сборника статей «Об инициатическом» [Julius Evola: Über das Initiatische. Aufsatzsammlung. Sinzheim 1998] более подробно рассматривается встреча Эволы и Кодряну, так некий Т. Ханзен там пишет, цитируя известного знатока религий и члена гвардии Кодряну Мирчу Элиаде [румунский религиозный ученый и писатель, 1907-1986, ключевые тексты: «Священное и мирское» и «От Залмоксиса до Чингисхана. Религия и народная культура в Юго-Восточной Европе». Членство молодого Элиаде в Железной гвардии Кодряну долго оставалось тайной. Элиаде поддерживал тесный контакт с Эволой, который позже критически высказывался в таком духе, что Элиаде хотя и почерпнул многие свои идеи из традиционных учений и плодотворно ими воспользовался в своих исследованиях, но замалчивал их из оглядки на академический и политический истеблишмент. В издательстве Regin-Verlag в сентябре 2009 года выходит наверняка очень содержательное произведение Клаудио Мутти «Мирча Элиаде и Железная гвардия»], что «Эвола вернулся после десяти- или двенадцатичасовой беседы, полностью потрясенный как духовной силой капитана, так и благородством его веры и мыслей, ведущих его на борьбу, и итальянский профессор начал перечислять темы, которые они обсуждали. О политике ни одного слова». Нельзя ли отсюда предположить возможность намного большего влияния на Кодряну традиционалистского учения Эволы, чем обычно принято считать? Тем самым было бы доказано что-то вроде практической пригодности традиционализма, не так ли?

То, что легионеры Румынии под руководством Кодряну были очень похожи на традиционное рыцарство, бесспорно. Тем не менее, это «движение» было также только чем-то вроде последней попытки воплотить традицию в этом веке. У Кодряну был очень высокий потенциал и что было бы, если бы он со своей гвардией смог в дальнейшем добиться успеха, кто знает? Но как раз здесь-то и зарыта собака. Железная гвардия как раз и не смогла бы победить. На ней, если так можно сказать, лежало проклятие, проклятие эпохи Кали-юги. Однако для меня капитан Кодряну остается светлым примером настоящего рыцаря, свет которого сияет даже в самом глубоком мраке.

Гвардия Корнелиу Кодряну по-настоящему отличалась от современной политической организации. Гвардия принимала к себе людей только определенного человеческого типа и в большой степени строилась на тех ценностях, которые уже давно считались мертвыми. Гвардеец должен был представлять собой, например – как говорил Кодряну – совершенно другой тип человека и видеть «удовлетворение от радостей борьбы и жертвы» ради более высокой цели. У гвардии никогда не было твердой политической программы, она даже намеренно и четко от нее отказывалась и не хотела этим путем завоевывать для себя избирателей. В предвыборной борьбе также не было и большой пропаганды. Основание и объединение членов гвардии строилось просто на том, что связывало их на более высоком уровне (в ощущении высокого). Они всегда рассматривали себя как примененных Богом, но никогда как организацию, которая только поверхностно хотела бы что-то изменить. Они стремились к духовному изменению. Кодряну также сам как никто другой отличался от современного мира. Он примирялся с голодом, нуждой и бедностью и почти умирал голодной смертью, однако, он вкладывал в гвардию так много средств, как было возможно, так как он видел ее как вышестоящую, как себя самого в более высоком виде. Он говорил, что духовное богатство всегда выше материального и лучше быть богатым в духовном плане. Вера была самым важным для гвардии, так как именно она формирует неземное и сверхматериальное.

Ты говоришь о наступлении «Золотого века» как о чем-то вроде «взрыва». Разве это не полностью неисторично и несостоятельно, если понимать историю как привычные по школьным учебникам многослойные переходы? Мне вспоминаются тут понятия вроде «осени Средневековья» – неужели все это только вопрос веры? Разве тогда все попытки двинуть что-то «в правильном направлении» не являются напрасными, бессмысленными? Не будет ли любое направленное к истинным ценностям действие излишним в эпоху Кали-юги?

На определенные вещи мы как люди не можем повлиять. Будь мы богами, это было бы, пожалуй, иначе. Но что мы должны сделать, чтобы больше быть не человеческими, а именно божественными? Или, будучи людьми, «повлиять» на божественное, по меньшей мере? Стремление к трансцендентности или

также стремление к алхимической трансформации металлов (человеческого) в золото (божественное), Великому деянию, которое, однако, не предопределено для каждого, так как риск упасть как Прометей чрезмерно велик.

Я хотел бы тут воспользоваться случаем, чтобы порекомендовать философа Клауса Деттельбахера [Claus Dettelbacher: Im Maulbeerhain. Die Lehre von den vier Weltzeitaltern. Einführung in die Spuren zyklischer Zeit. Rezeption, Schnittstellen, Geschichtsphilosophie. С постоянной ссылкой на Юлиуса Эвола. Краткая версия: www.ensAtlantic.com]. Деттельбахер разбирал идею мирового времени в различных культурах и опирался при этом также на Эвола, и он высказывает – в общих чертах – следующий ход мысли: Эвола оценивал, например, Средневековье с точки зрения учения о четырех мировых эпохах слишком положительно, а именно уже как «Золотой век». Он не осознал или осознал только частично, что это было, в самом лучшем случае, «вечерней зарей» а не «солнцем» – эпоха духа, который оставался, тем не менее, запертым в стенах монастырей. Кроме того, нет материала, который мог бы каким-либо способом проиллюстрировать эпоху, предшествовавшую античности. Непреодолимый барьер стоит между античностью и временем до нее. Помимо этого, частью индийского предания о системе Юга (смены мировых эпох), было то, что также и меньшие культурные циклы можно делить на фазы подъема, расцвета и упадка. Тем самым распознавание, установление связи «больших» Кали-юг представляется едва ли возможным для человека. Тут Деттельбахер не занимает полностью критическую по отношению к Эволе позицию, а также пишет:

«Негативизмы Эвола (...) могут характеризовать также завершающийся полюс завершающейся эпохи Кали-юги. Как холод ночи становится наиболее сильным к ее концу, так и свойства Кали-юги могут достичь своего апогея в то время, когда она уже почти подходит к концу. Не является ли то, на что жалуется Эвола, скорее концом предыдущего Золотого века (Сатья-юга), чем наступлением Железного века. Различие тонко, и состоит, однако, в том, что конец последнего Золотого века не наступил с началом Железного века, но что Золотой век по-прежнему продолжает оказывать свое воздействие до конца Железного века. По меньшей мере, в памяти человечества происходит именно это. Подъем к новому Сатья-юга создает новое видение и разрушает вначале только направленные назад духовные связи со старым золотым прошлым. Так как новый Золотой век никогда не может быть повторением старого. Скорее это как октава, сдвинутая к старому миру: звуки называются одинаково, все же, только грубая решетка из времени и качества удерживает их в их структуре.

Что ты думаешь об этих идеях? Имеет ли вообще смысл так интенсивно разбираться с учением о четырех Кали-югах?

Итак, во-первых, для меня было новым, что Эвола видит Золотой век в Средневековье. Однако бесспорно, что время расцвета Средневековья значительно более традиционно в сравнении с эпохой расцвета модерна. Всегда следует связывать эти константы времени расцвета соответствующей эпохи во

все более расплывчатом состоянии к трансцендентности. Знание об этих эпохах и об их циклическом ходе важно для того, чтобы понимать, где мы находимся и в соответствии с этим также настраиваться на это исходное положение. Потом посмотрим, как нам тогда следует поступать. Будем ли мы ему сопротивляться или наоборот хотим ускорить поток, стремящийся вниз. Лучше всего было бы, пожалуй, и то и другое. С одной стороны, дать этим процессам идти дальше и с другой стороны оказывать им внутреннее сопротивление.

Теперь как раз из рядов радикальных правых раздается решительная критика Эволы и его идеи традиции. В журнале «Sezession» Ганс Томас Хакль [Hans Thomas Hakl: Die integrale Tradition, в: Sezession, Nr.11, октябрь 2005, стр. 20-28] подвергает критическому разбору интегральную традицию. Цитата: «Концепция традиционного органического государства может удовлетворить эстетически обольщенные, архетипичные стремления и для некоторых решить вечный вопрос смысла, но я сомневаюсь в том, что она улучшает нашу жизнь здесь на Земле. Она совсем не обращает внимания именно на неизбежное качество человека – способность ошибаться. И она, боюсь, вскоре привела бы вместо ожидаемой космической гармоничности к наихудшему тоталитаризму. Неизбежно приходилось бы принимать чрезвычайные насильственные меры, как только возникла бы серьезная опасность для претенциозных духовных целей. Сегодня уже никакое государство не может больше существовать только для себя и герметично отгородиться от других. Экономика и коммуникация все равно тесно соединены друг с другом. Потому неизбежны противоречащие мнения. И последний вопрос: Где все же сегодня те люди, которые добровольно принесут необходимые для этих целей жертвы?»

Что ты скажешь об этой критике?

Традиционная империя «среди руин» естественно, невозможна. В данный момент мы как одиночки должны сконцентрироваться на том, чтобы осмыслить традицию и осознать ее. Теперь при всех нынешних обстоятельствах вводить такую систему тоже никак бы не соответствовало нашему веку. Разумеется, стремление к трансцендентности, естественно, необязательно привязано к тому, существует ли здесь и сейчас Золотой век или нет. Также это стремление не имеет никакого отношения к улучшению сегодняшней жизни здесь на Земле. Что-то в этом роде просто не играет никакой роли. Томас Хакль, пожалуй, тут в большей степени намеревался поставить на место все эти чрезмерно расплодившиеся чрезмерно претенциозные «движения». Мы не хотим быть движением, не хотим переворота или революции Нижних, а хотим двигать неподвижное.

Каутес, большое спасибо за эту беседу. Скажи еще заключительное слово для наших читателей!

Идея это действительность, которая торжествует над любой рациональной и эмоционально-человеческой реальностью.

Метафизика открывается по ту сторону разума, она – воистину нечеловеческое знание.

Каутес: сентябрь 2009 года

Перевод с немецкого: ноябрь 2011 года

[Велесова Слобода, 2011 г.](#)